

Фабио Вассерман¹
Fabio Wasserman

Практика без программы и институты без субъекта: Документальные коллекции и Исторические институты Рио-де-Ла-Платы (1830-1860).

**Practice without discourses and institutions without
jects. Collections of documents and Historical Institutes in the Rio
de la Plata (1830-1860)**

Аннотация: В статье рассматриваются ряд главных черт, который историзм имел в середине XIX в. в культуре Рио-де-Ла-Платы. Её целью является описание и анализ направлений размышлений, практических действий, представлений и институтов, которые показывают как распространение новых концепций истории, так и их изучение и те направления, которые эти концепции получили в обществе с высоким уровнем конфликтности в общественной жизни. Мы сосредоточили внимание на трех аспектах: неудавшихся попытках создать институты изучения истории; на публикациях документальных коллекций; на существующем консенсусе о необходимости написания исторических изложения исследований, при параллельном признании невозможности сделать это в настоящее время, что привело к созданию собраний документов, которые могли быть использованы «будущими историками».

Ключевые слова: национальное сознание, историография, историзм, Аргентина

Abstract: This article examines some of the main features that *historicism* had in the mid 19th century Rioplatense culture. Its aim is to describe and analyze a set of discourses, practices, representations and institutions that show both the diffusion of new concepts over history and how to know it, and the ways these conceptions took in a society with a highly conflictive public life. We will focus on three aspects: the failed tries to erect history institutes; the publications of documental collections without clear edition patterns; the existing consensus in the need of producing historic narratives, parallel to the recognition of the current impossibility of doing so, that led to the attempts of accumulating materials that could be used by the "future historian".

¹ Институт Равигнани. Университет Буэнос-Айреса – КОНИСЕТ

Keywords: national consciousness, historiography, historicism, Argentina.

В первой половине XIX в., в Европе сложилась совокупность доктринальных, научных и эстетических течений, связанных с методологическим пониманием истории. Хотя их цели, намерение и подходы могли быть очень различными, они сходились в утверждении, что события, феномены, структуры и общественные процессы могли приобрести прочность и быть понятными лишь путем их исторической реконструкции. В этих рамках знание прошлого превращалось в первостепенную необходимость для всех, кто старался понять, узаконить, критиковать или изменить общество или некоторые его стороны. Это понимание стимулировало размышления, практические действия и создание институтов для сохранения и распространения этих знаний, которые кроме того стали конституироваться в одну дисциплину, которая начала выделяться в мире образования и науки.

Это движение оказало сильное, хотя и неодинаковое, воздействие в западном мире и в зоне его влияния. В районе Рио-де-Ла-Плата романтический историзм начал успешно распространяться с 1830 г., за короткое время превратившись в одно из главных интеллектуальных течений, вдохновлявших местную общественную жизнь². Этот процесс усилился в 1850 г., когда исторические исследования переживают период расцвета. В это время Бартоломе Митре публикует первый вариант «Истории Бельграно» (1858-1859), которую принято считать первой национальной аргентинской историей, хотя некоторые авторы полагают, что таковой её можно считать лишь с третьего издания в 1876 - 1877³.

Это толкование, хотя и каноническое, порождает ряд вопросов. С одной стороны, почему в эти годы в Аргентине, в отличие от

² Некоторые авторы утверждают, что начиная с 1830г. произошла переоценка истории. История стала присутствовать почти во всех областях культуры, в литературе, искусстве, лингвистике, философии, праве и политике. Она также начала ломать традиционные классификации и разрушать общепринятые границы дисциплин и категорий. - Weinberg F. Los comienzos de la historiografía romántica rioplatense//Boletín de la Academia Nacional de Historia – vol. LXI – 1988 – P. 144.

³ О различиях в двух вариантах текста Митре см. Palti E. La Historia de Belgrano de Mitre y la problemática concepción de un pasado nacional// Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana “Dr. Emilio Ravignani”– № 21 – 1er. Semestre del 2000.

седних Чили и Бразилии, не были написаны национальные истории, являющиеся наиболее законченным выражением романтического историзма. Но даже оставив этот вопрос в стороне, должны были получить развитие практические действия, размышления и институты в соответствии с этими постулатами. Тем не менее то, что показывает изучение историографии этого периода, так это её слабость или, еще хуже её отсутствие.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы изучить ряд историографических явлений, которые получили развитие на Рио-де-Ла-Плате в 1830 - 1860 гг., стараясь объяснить их отличительные черты, которые являлись результатом его особого культурного и политического развития⁴. Для этого, после краткого описания панорамы политической жизни того времени, я остановлюсь на анализе следующих явлений: практике составления и издания документальных коллекций, создании институтов распространения исторического знания и признания неприемлемости литературного подхода к истории, которая соединяла прошлое и настоящее в одном сюжете, апеллируя при этом к будущему.

Альтернативы в поисках нового политического порядка (1810-1860)

В последние годы политическая история Рио-де-Ла-Платы в XIX в. стала объектом глубокой ревизии. Так, в отличие от оценки Майской революции 1810 г. как национальной или национальной буржуазной, направленная против колониального режима, в настоящее время утверждается, что революция была следствием кризиса испанской монархии, усиленного английским вторжением в 1806 – 1807 гг. Этот кризис положил начало сложному процессу, в котором переплетались проекты, интересы и идеи, так как борьба шла за власть, вокруг проблемы определения её источника, её основы и территориальной юрисдикции⁵.

⁴ См. Wasserman F. Entre Clío y la Polis. Conocimiento histórico y representaciones del pasado en el Río de la Plata (1830-1860) – Buenos Aires: Teseo, 2007.

⁵ Chiaramonte J.C. Ciudades, provincias, Estados: Orígenes de la Nación Argentina (1800-1846) – Buenos Aires, Ariel, 1997; Halperín Donghi T. Revolución y Guerra: Formación de una élite dirigente en la Argentina criolla – México: Siglo XXI, 1979. Оба автора исходят из различных перспектив политической жизни этого периода. В то время как Хальперин подчеркивает

В 1810 – 1820 гг. в условиях внутреннего конфликта сменился ряд временных правительств, целями которых было руководство войной за независимость и консолидация государства, способного управлять территорией бывшего вице-королевства. Последняя цель была ограничена претензиями городов, представленных кабилдо, находившихся в конфликтных отношениях между собой и противостоящих центральной власти Буэнос-Айреса вплоть до ее падения в 1820 г. Отсюда больше, с целью институционализировать новые отношения, созданные революцией и войной, города расширяли свое политическое влияние на сельскую округу, формируя провинциальный суверенитет, который стремился конституироваться в самостоятельные государства, в которых установились республиканские режимы. Хотя это не означало, что полностью отрицалась идея создания единого национального государства, но не было согласия, какими должны быть его основы, территориальный состав и форма правления. Эти местные проекты признавали суверенитет провинций и необходимость согласия между ними, что нашло отражение в Основном Законе, принятом Национальным Конгрессом в 1825. Поэтому, когда на следующий год была принята Конституция, которая противоречила этому закону, и была создана общенациональная исполнительная власть, обострился конфликт между группами известными как унитарии и федералисты, что привело к падению общенационального правительства. Таким образом, суверенные провинции должны были создать структуру, способную поддерживать баланс провинций, принимая во внимание слабость большинства из них, нестабильность и изолированность, вызванные постоянными военно-политическими конфликтами.

В 1831 – 1852 г. образовалась Аргентинская Конфедерация, в которой установилась гегемония росистской фракции после поражения выступавших против неё унитариев и федералистов. Поэтому признание провинциальных суверенитетов Федеральным пактом 1831 г. вошло в противоречие с ростом власти губернатора Бу-

слабость институтов, которые позволили бы преодолеть личностные, семейные и партийные связи. Кьярамонте считает, что процесс развивался во всех сферах одновременно, в особенности в провинциях. Синтез этих точек зрения см *Revolución, República y Confederación (1806-1852)*// Colección Nueva Historia Argentina/ N. Goldman (dir.) – tomo III – Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1999; Ternavasio M. *Historia de la Argentina, 1806-1852* – Buenos Aires: Siglo XXI, 2009.

энос-Айреса, который попытался покончить с нестабильностью путем установления своего доминирования на всей территории страны. В 1852 г. Росас был свергнут при поддержке Бразилии и Уругвая союзом прибрежных провинций, руководимого губернатором Энтре-Риос Хусто Хосе де Уркисой. Под его руководством была создано общенациональное правительство, принята Конституция 1853 г., которая оформила федеральное государство со столицей в Паране. Этого оказалось недостаточным для прекращения конфликтов между провинциями, кроме того вызвало их многочисленные трения с новым государством, так как они хотели сохранить автономию. Тем не менее эти напряженные отношения были смягчены противостоянием с Буэнос-Айресом, чьи ресурсы позволяли ему выделиться в автономное государство в 1854 г. Это отделение длилось до 1861 г., когда произошла военная и политическая победа Буэнос-Айреса, облегченная слабостью его противников из-за внутренних разногласий и экономических трудностей.

Этот схематичный обзор позволяет оценить сложность и неопределенность в организации территории, унаследованной от вице-королевства Рио-де-Ла-Плата. В этом отношении революция оставила в наследство хрупкую систему регионального равновесия, частью которой была также независимая с 1830 г. республика Уругвай. Эта неясность в отношении форм организации и высокая конфликтность политической жизни влияли также на культурную жизнь и, разумеется, на написание истории.

Практика без программы

Одной из сфер деятельности, вызвавшей интерес историографии XIX в., было издание исторических документов. На Рио-де-Ла-Плате, хотя и существовали некоторые предпосылки для этого, сама практика изданий началась в 1830-е гг. и получила расцвет в последней трети XIX в. В большей части этой продукции обосновывались территориальные права нового государства на бывшие пределы вице-королевства.

Итак, кроме их случайной публикации в прессе или в виде брошюр, документы стали собирать в коллекции, среди которых выделялась самая первая, под руководством неаполитанца Педро де Анхелиса, который приехал в Буэнос-Айрес в конце 1820х гг.⁶

⁶ Colección de documentos relativos a la Historia Antigua y Moderna de las Provincias del Río de la Plata /P. de Angelis (dir.) – VI vols – Buenos Aires:

Важность этой коллекции и интерес, который она вызвала даже среди тех, кто критиковал его за то, что он был идеологом розизма, объяснялось как самой публикацией многочисленных и важных текстов, мало или почти неизвестных, так и их качеством, результатом эрудиции и таланта составителя. И если с точки зрения эвристики его можно было критиковать за допущенную вольность, так как он не только написал примечание и введение для ориентации читателя, но также модернизировал язык некоторых текстов, чтобы сделать их более понятными, нельзя не признать влияние этого издания на культуру страны. Один из аспектов, наиболее бросающийся в глаза в этой и других коллекциях, это отсутствие ясных критериев в отношении выбора текстов и их размещения или в хронологической или тематической сериях. Например, третий том начинается с географического и статистического описания провинции Санта-Крус-де-ла-Сьерра, а продолжается документами, относящимися к основанию Буэнос-Айреса, за которыми следуют акты кабильдо мая 1810 г. и доклад о навигации по Рио-Терсеро.

Чтобы понять разнородность этих коллекций и трудность для понимания собранных в них текстов как дискурсивного единства, нужно учитывать условия их издания и распространения. Прежде всего потому, что документы не всегда выходили вместе в одной книге, как планировали их издатели. Это стало возможно, так как чаще всего они издавались в форме брошюр или приложениями к газетам, а подписчики или случайные покупатели уже сами переплетали их. С другой стороны, были тексты как в «Коллекции» де Анхелиса, которые несмотря на то, что составляли часть одного тома, имели собственную нумерацию, титульный лист и оглавление.

Imprenta del Estado, 1835 - 1839. Об этой публикации см Sabor J. Pedro de Angelis y los orígenes de la bibliografía argentina – Buenos Aires: Solar, 1995; La Biblioteca del Comercio del Plata (Montevideo, 1845 – 1851) была издана как приложение к газете, руководимой Флоренсио Варелой и после его убийства в 1848 г; Валентином Альсиной, в ней было опубликовано большое количество текстов: Colección de memorias y documentos para la historia y la jeografía de los pueblos del Río de la Plata /comp. y ed. por Andrés Lamas – t. I, Biblioteca del Comercio del Plata – t. 7 – Montevideo, 1849; Compilación de documentos relativos á los sucesos del Río de la Plata desde 1806/ ed. por Vicente F. López y V. Alsina, Biblioteca del Comercio del Plata – t. 9 – Montevideo, 1851; Tratados de los Estados del Río de la Plata, y Constituciones de las Repúblicas Sud-Americanas/ comp. por F. Varela, Biblioteca del Comercio del Plata – t. 4 – Montevideo, 1848.

ние, что позволяло делать их отдельное издание. Получалось, что издатель побуждал подписчиков следовать его указаниям, включая также такие, как можно переплести текст. Заканчивая труд, он также публиковал общее оглавление, в котором нумеровал документы, указывая порядок их появления в каждом из томов. Эти указания не имели успеха, если принять во внимание существующие различия в коллекциях, которые находились в разных хранилищах: нет двух, совпадающих между собой. То же самое случилось с «Библиотекой дель Комерсио дель Плата», что кажется еще более труднообъяснимым, имея в виду появление её в газете, из которой известно, когда публиковались те или иные материалы, хотя собранные здесь тексты также выходили отдельными тиражами и некоторые имели собственную нумерацию и титульный лист внутри одного и того же тома. Наконец, такое могло происходить по разным причинам: будь то из-за непредусмотрительности составителей, как Андрес Ламас, который переоценил материалы, которыми располагал; или из-за экономических причин, как в случае коллекции изданной Анхелисом, так как французская блокада порта Буэнос-Айрес оставила его без бумаги и без возможности закончить седьмой том, или из-за политических причин, как случилось с «Комерсио дель Плата», чья «Библиотека» должна была отдавать предпочтение сочинениям антиросистской направленности.

Итак, что предлагали издатели этих коллекций и какие ожидания были у их подписчиков и случайных покупателей? Если обратиться внимание на их содержание, то значительная часть текстов относится к исследованиям и сообщениям о мало известных районах, в частности пограничных, а также договорам, с ними связанными. Их публикация, таким образом, отвечает двум потребностям: узнать о районах, считавшихся потенциально богатыми, но мало исследованных и придать законность возможным территориальным претензиям. Отсюда обилие документов, относящихся к северо-востоку Рио-де-Ла-Платы и Патагонии. С другой стороны, публиковались тексты о событиях, считавшихся очень важными в развитии общества Рио-де-Ла-Платы, такие как: основание Буэнос-Айреса, английские вторжения или Майская революция. Этот интерес к прошлому региона можно видеть в публикациях де Анхелиса, в той восторженной форме, в которой он комментирует хронике завоевания и колонизации Буэнос-Айреса, чтобы таким образом поставить это событие вровень с более известными Мексикой и Перу.

Это позволяет объяснить интерес к этим текстам, но не их издание как части столь разнородных коллекций. Остается открытым вопрос о значении и ценности этих публикаций. Наиболее обоснованный ответ заключается в том, что эти коллекции задумывались как объекты, ценность которых выходила за рамки удовлетворения экономических, политических, гражданских потребностей или территориальных претензий. Причина заключалась в том, что сами эти коллекции представляли собой значительное событие в культурном развитии региона, ставившего его вровень с наиболее развитыми и престижными странами.

Эта претензия хорошо просматривается в статье, опубликованной Сармьенто в 1851г., посвященная причинам созыва конгресса провинций Ла-Платы после разрыва Уркисы с Росасом. С этой целью он тщательно исследует культурные достижения, подчёркивая особое значение успехов в области истории и географии: «В этой сфере мы достигли прогресса, которому можно только завидовать... Коллекция Анхелиса, которая есть не что иное, как публикация рукописей библиотеки Буэнос-Айреса, является наиболее значительным национальным памятником, который делает честь нашему государству и её автору - Анхелису, который осуществил её, и которому республика обязана настолько, что может простить ему его слабости... Скажете, что это случайность, что человек, достойный похвалы такой, как Анхелис, попал в цель, обосновавшись в Аргентинской республике и одарив нас этим сокровищем? Ошибка! Анхелис удовлетворил общественные потребности, ответил чаяниям народа, его желанию с честью исполнить высокое предназначение, к которому призвало его Провидение»⁷. Далее Сармьенто выражает удовлетворение публикациями в этой области, приводя в качестве примера оглавления коллекций документов. Сармьенто доказывал в своей статье, что сама значимость этих томов, их последовательный характер свидетельствуют как о существовании славного прошлого, заслуживающего воспоминаний, так и успехов в настоящем для его лучшего понимания. «Коллекции» позволяли соединить прошлое и настоящее общества.

Помимо этого, эти труды облегчали установление связей с выдающимися учеными и с европейскими и американскими научными обществами, что вело к усилению обмена опытом и знаниями, фактически вело к признанию местных литераторов и ученых в

⁷ Liga Litoral. Adhesión al pacto federal de 4 de enero de 1831// Sud América, – tomo II, –Santiago de Chile, 09.06.1851.

условиях отсутствия институтов, способных осуществлять эти функции. Поэтому, например, открывая в 1837 г. «Литературный салон», его предводитель Маркос Састре отметил работу, которую издал Анхелис. Однако при этом он счел необходимым упомянуть, что «она уже получила одобрение в ряде европейских научных обществ»⁸.

Рассмотрение этих томов как объектов, которые сами по себе имеют культурную, политическую и экономическую ценность, позволяет объяснить, почему в издательских планах преобладали количественные критерии над качественными: казалось, что уделялось большее внимание необходимости завершить издание определенного количества томов, нежели настоящему интересу, которое могло представлять их содержание или их объединение в единое целое. Если к этому добавить необходимость заполнить страницы такой газеты как «Комерсио дель Плата», то становится понятной постоянный призыв ко всем тем, кто владел документами, опубликовать их.

Обычно заявлялось, что, принимая во внимание отсутствие исторической перспективы, способной придать смысл прошлому и настоящему, необходимо ограничиться сбором документов, чтобы облегчить работу будущих историков. Поэтому, когда в начале 1860-х гг. публицист Висенте Кесада решил осуществить программу исторических исследований в «Ревиста де Буэнос-Айрес», он попросил своих читателей предоставить документы, обратив внимание, что «мы не претендуем написать историю, мы хотим лишь сделать хронику событий и опубликовать документы, которые послужат будущим исследователям»⁹.

Такая оценка условий издания исторических материалов объясняет отсутствие ясных критериев для отбора документов и объединение их в серии для публикации. То, чего не было, так это изложения, который интегрировал бы эти тексты в написанную историю, способную придать смысл событиям там упоминавшимся. Более того, многократно использовались те же самые тексты, что-

⁸ Sastre M. Ojeada filosófica sobre el estado presente y la suerte futura de la Nación Argentina//, El Salón Literario/ Weinberg F. (comp.), – Buenos Aires., Hachette, 1958, – P. 119

⁹ Quesada V. Estudios Históricos. Nuestros propósitos// La Revista de Buenos Aires. Historia Americana, Literatura y Derecho, Periódico destinado a la República Argentina, la Oriental del Uruguay y del Paraguay, – t. II, – 1863, – P. 49.

бы рассказать о событиях прошлого без всякого анализа. Как если бы документы действительно разговаривали сами по себе. Поэтому всякий текст, относящийся к историческому событию, будь то официальный документ, свидетельство или исследование, не только мог иметь ту же ценность, но также не считалось необходимым их различать, хотя надо отметить, что это было вызвано также крайне неустойчивой системой цитат и примечаний, затруднявших во многих случаях восприятие авторства и статус того, что представлялось. Было не ясно, источник это или размышления автора.

В целом, до 1860-х гг., за редким исключением, эти коллекции не могли служить основой для построения нарративной истории. Не было исторических текстов, таких, которые писал Митре, которые позволили бы организовать весь публикуемый материал в стройной системе изложения. Но не потому, что полагали это не нужным, а потому, что это казалось трудным или невозможным осуществить в тогдашних условиях. Из чего можно было заключить, что речь шла об интеллектуальной практике, где отсутствовали исторические размышления, и которая была пока неспособна придать смысл прошлому. То есть, это была практика без дискурса.

То же самое можно видеть в работах, посвященных биографиям общественных деятелей, как, например, «Галерея аргентинских знаменитостей», опубликованная отдельными выпусками в 1857 – 1859 г.¹⁰ Как в случае с документальными коллекциями, бросалась в глаза небрежность с какой была выполнена работа: на титульном листе фигурировали авторы, ничего не опубликовавшие; проспект заявлял о биографиях, которые затем были написаны другими авторами; обещались биографии, которые никогда не увидели свет; появились другие, не планировавшиеся ранее. В общем, работа началась без выбора авторов и тех, чьи биографии напишут, но, что еще хуже, при отсутствии критериев отбора. Также как и в случае с документальными коллекциями то, что в действительности имело значение, так эта сама работа, а именно, ее общий объем, значение биографий персонажей и самих авторов текстов, - создавало впечатление о богатой общественной жизни страны, сравнимой с самыми развитыми государствами. При этом не имело большого значения несравнимость этих публикаций в том, что ка-

¹⁰ Galería de celebridades Argentinas. Biografías de los personajes mas notables del Rio de la Plata, – Buenos Aires: Ledoux y Vignal editores, Imprenta Americana, 1857 - 1858.

салось их качества, содержания и объема. Напротив, единственное, что остается неизменным, так это литографии, которые предшествуют каждой биографии. Более того, выбранный формат более благоприятствует визуальной части, чем текстуальной, поэтому она заслуживает название галереи портретов в буквальном смысле и может считаться разновидностью передвижного музея, в котором можно видеть главные черты некоторых выдающихся революционных деятелей таких как Мануэль Бельграно и Хосе де Сан Мартин. Как отмечал Митре во введении к изданию, речь шла больше о памятнике, чем об изложении истории¹¹.

Что касается содержания, и оставляя в стороне сомнительные критерии отбора, «Галерея» может рассматриваться как работа, целью которой было почтить память послереволюционной элиты. С этой целью рассказывалось о жизни некоторых деятелей, о которых мало или ничего не публиковалось, или эти сведения были труднодоступными, но циркулировали многочисленные устные рассказы, которые, как утверждал Митре во Введении, требовалось рационализировать и систематизировать. Он заключал, что общий объем труда свидетельствует о богатой общественной жизни Аргентины, сравнимой с наиболее развитыми и культурными обществами. Он писал: «Слава этих людей является ценным наследием аргентинского народа, и спасти от забвения их свершения значит использовать это наследие к общей выгоде и чести. В этих жизнеописаниях нынешнее поколение найдет образцы, заслуживающие подражания. В тех памятных событиях будущий историк найдет достойные темы для размышлений»¹².

Так утверждалось, что данная работа не преследует цель дать ясное понимание истории Рио-де-Ла-Платы, а лишь представить образцы гражданского поведения и ограничиться сбором материала, который впоследствии мог быть использован будущими историками. Таким образом, вновь ставилась задача наделить тогдашнее общество традицией, что сопровождалось признанием трудностей для написания какого-либо нарратива, который придавал бы ей фор-

¹¹ «Этот труд – это не история, ни даже биография, а монумент, возведенный в честь наших просвещенных предков...», который наши будущие поколения будут рассматривать как образцы для подражания. Mitre B. Introducción a Galería de Celebridades Argentinas. Biografías de los personajes mas notables del Río de la Plata// Mitre B. Obras Completas, – vol. XI, – Bs.As., 1942, – P. 22.

¹² Ibid., P. 19 - 20.

му. Также, как и в случае с документальными коллекциями, можно утверждать, что публикация биографических серий являлась практикой без дискурса. Или, чтобы быть более точным, без рассуждений, способных собрать воедино и придать смысл этим биографиям как части того же исторического сюжета, героями которого были описанные здесь деятели. Этот дискурс отсутствовал в тогдашней культуре Рио-де-Ла-Платы. Но ведь и не было того профессионала то есть историка, который должна дал сформулировать этот дискурс.

О «будущем историке», хаотичном настоящем и неясном прошлом.

Во введении к «Галерее знаменитостей» Митре хвалил множество деятелей аргентинской истории, биографии некоторых из них были возвращены из забвения или устной традиции, чтобы служить образцом для современников. Эти цели могут казаться скучными, если принять во внимание, что их ставил Митре, человек с пронизательным историческим чутьем, который оставил «будущему историку» задачу придать подлинный смысл явлениям, воплощенных в этих фигурах. Речь шла не об экстравагантности Митре. Апелляция к будущему историку не только была обычным явлением, но ее можно найти у историков самой различной политической, идейной ориентации, которые настаивали на целесообразности ограничиться сбором материалов, чтобы впоследствии они могли быть правильно объяснены. Эти аргументы оправдывали некоторых авторов за то, что они лишь собирали материал или ограничивались поверхностями заметками и описанием хроники событий¹³.

Это признание отсутствия условий для создания нарратива, в котором получило бы полное осмысление прошлое, нельзя приписать отсутствию личных способностей, ограниченному образованию, незнанию источников, близостью по времени к событиям, что препятствовало объективности подхода, отсутствию времени или какой-то другой причине (даже если современники сами называли эти причины). Наибольшая трудность в написании масштабного исторического нарратива заключалась в отсутствии перспективы, которая опиралась бы на настоящее и проецировалась на будущее,

¹³ Revista de la Junta de Estudios Históricos de Mendoza, – t. X, – 1938, – P. 47 - 48 [Mendoza, 1852].

что могло придать смысл событиям прошлого, создать историю нации или какой-нибудь иной общественной группы. При этом полностью игнорировалось доиспанское прошлое, отвергались столетия колониального господства, а Революция оставила сомнительное наследство, а настоящее воспринималось как хаос, в котором сосуществовали несовместимые или такие необъяснимые явления, как росизм, что затрудняло задачу предсказать будущее или, по крайней мере, определить путь развития. В этих условиях было трудно найти точку зрения, которая позволила бы соединить различные исторические социальные формы в историческом изложении с ясной политической ориентацией, в которой в полной мере раскрывался бы смысл деятельности героев прошлого. Существовало убеждение в необходимости ограничиться сбором любого вида изложения, будь то биография, документы, устные рассказы, хроники или предметы, как-то карты или медали, в то время как будущим историкам завещалось их правильное понимание, которое могло быть достигнуто только тогда, когда эти элементы могли быть обработаны и введены в исследовательский оборот.

Апелляция к такой виртуальной фигуре как будущий историк, не мешала существованию в настоящем писателей и публицистов, хотя задачи, возлагавшиеся на них, не были масштабными. Тем не менее это обращение не было только риторикой, но отражало отсутствие профессиональных условий для историка на Рио-де-Ла-Плате. В своем введении к «Галереи», Митре отмечал, что среди знаменитостей, заслуживающих памяти потомков, были «законодатели, поэты, историки, публицисты, государственные деятели, юрисконсульты, генералы, дипломаты, мудрые и справедливые мужи». То есть все за исключением историков, хотя упоминает «Фунеса, историка, публициста и оратора». Думаю, что Митре специально умолчал об историках, будь они знаменитыми или нет. Поэтому большее значение его заявление, сделанное им за два года до того, когда он предлагает создать Институт истории: «Ученый, литератор, юрисконсульт, государственный деятель, геометр, художник, архитектор, филолог, натуралист, путешественник, агроном, публицист, - все найдут место на этом банкете, и все смогут эффективно сотрудничать в общей работе, не изменяя ни своим наклонностям, ни отказываясь от своих специальных исследований, будучи лишь обязанными искать практическую формулу для выражения своих идей. Все науки, все искусства и даже сами идеи могут толковаться и выражаться лишь в своей исторической форме, также как исторические события являются ничем иным как от-

ражением развития человеческого духа в восходящем движении народов к свету прогресса, какими бы не были внешние формы этого процесса, в которых они предстают перед нашими глазами или в нашем уме. Всякая человеческая деятельность имеет историческую форму»¹⁴.

Митре принимал концепцию истории как инстанцию, где создаются, развиваются и приобретают смысл социальные явления. Отсюда следует, что историческое представляет собой исключительное знание для понимания социального, будь то из-за его способности объяснять явления и события, или как условие развития любой формы знания. Но эта способность не сопровождается условием, кто должен быть исключительным толкователем текста: историками. Вместо историка он обращается к обширному списку профессий, который, по правде говоря, мог бы включать любого грамотного человека. Это позволяет лучше понять смысл обращения к будущему историку, так как, по меньшей мере до 1860-х гг., не было общественного признания этой профессии; во всяком случае историками называли тех, кто повествовал о том или ином эпизоде, персонаже или процессе – «историк жизни его отца», «историк нашей революции» - ясно, что речь шла не о профессиональном историке, а о публицисте, который вдруг написал исторический текст.

Допустимо предположить, что создание Института преследовало, среди прочих целей, должно было положить конец этому недостатку, создав условия формирования и легитимации субъектов, производителей этих знаний. Это позволяет объяснить разнородный состав тех, кого собрали для его организации. Среди них находился Педро де Анхелис, нелюбимый в Буэнос-Айресе, в городе, который стремился излечиться от груза прошлого, диктатуры Росаса. Но помимо своих личных предубеждений Митре признавал в нем одного из немногих способных писать историю. Во всяком случае ни включение де Анхелиса в состав Института, ни кого бы то ни было другого не могло решить проблем, которые стояли перед ним, поскольку они проистекали не из-за отсутствия образованных людей с определенными знаниями, способностями или специализацией, а от институциональной слабости, вызванной беспокойной политической жизни на Рио-де-Ла-Плате.

¹⁴ Mitre B. Preliminar de las Bases Orgánicas del Instituto Histórico y Geográfico del Río de la Plata // Levene R. Mitre y los estudios históricos en la Argentina. – Buenos Aires, 1944. P. 293 – 294.

Институты без субъекта

Одним из наиболее значительных проявлений новой роли истории на Рио-де-Ла-Плате была ее прогрессирующая институционализация. На Рио-де-Ла-Плате, следуя примеру Бразильского исторического и географического института, созданного в 1838 г., был осуществлен ряд инициатив, исходящих от государства или при его поддержке. Во главе одной из них стояли Педро Виладербо и Андрес Ламас, которые в 1843 г. создали в Монтевидео Национальный исторический и географический институт. Во главе другой стоял Митре, который в 1854 г. создает в Буэнос-Айресе исторический и географический институт Рио-де-Ла-Платы. В 1861г. по инициативе Хуана Пухоля в Паране открывается Исторический и географический институт конфедерации¹⁵.

Эти «литературные» или «литературно-научные общества» стремились удовлетворить самые различные потребности. Они занимались изучением и распространением работ по истории и географии, но также по статистике, что позволяло иметь представление о наличных ресурсах в регионе. Помимо этого, также как в случае с документальными коллекциями и биографиями, наибольший интерес был проявлен к созданию самого института, поскольку это должно было свидетельствовать об уровне цивилизации, достигнутого регионом и, в особенности, об активной роли государства в этом процессе. Существовал большой интерес в установлении отношений с аналогичными обществами в Европе и Америке для обмена знаниями, а также как средство легитимации этих обществ и, понятно, их членов, которые хотели быть признаны в качестве членов-корреспондентов и собеседников столь престижных центров. Перед назначением всех учредителей институт в Монтевидео решил установить связи с аналогичными обществами Европы и Америки и назначить членов-корреспондентов.

Имелась также другая причина, позволяющая понять цель существования самого института. Она заключалась в создании атмосферы общения, исключавшей фракционную политику, личные и идеологические различия. Поэтому, закладывая основу историче-

¹⁵ Pivel Devoto J. El Instituto Histórico y Geográfico Nacional (1843-1845)// Revista del Instituto Histórico y Geográfico del Uruguay – t. XI – 1934 - 1935; Mitre y los estudios históricos en la Argentina – Buenos Aires: Academia Nacional de Historia, 1944.

ского и географического института Рио-де-Ла-Платы, Митре указывал, что он будет «нейтральным полем», на котором могут сосредоточиться интеллектуальные ресурсы. Помимо этого, он предлагал уточнить роль и характер деятельности института, чтобы работа приобрела глубину, а задействованные силы не были вновь разобщены. Поэтому он утверждал, что, «было необходимо определить русло для потока идей, чтобы они не разливались по поверхности, что необходимо дисциплинировать мысль, дав ей отправную точку, чёткие планы»¹⁶.

Итак, почему дисциплинирование мысли должно ориентироваться на развитие истории, географии и статистики, области знания, которые, согласно Митре, могли быть наиболее эффективно использованы этими обществами. С одной стороны, эти знания рассматривались как первоочередные, а также их наличие было показателем развития общества. С другой стороны, существовало согласие, что эти знания были важной целью, так как история региона оставалась еще не известной европейцам, которые могли бы иметь интересы в этом регионе, так и самими жителями Рио-де-Ла-Платы. Но было нечто большее, связанное с этими последними, так как согласно Митре, они были единственными темами, в которых американцы могли отличиться, внося оригинальный вклад, «распространяя наши идеи за границу, чтобы получить в обмен нужные нам знания». Согласно такому разделению интеллектуального труда, американцы должны были развивать эмпирические знания, руководствуясь выработанной в Европе теорией. Ясно, что в отличие от того, как это будет воспринято позже, эта задача не считалась менее значимой, поскольку знания и цивилизация рассматривались едиными для всех, хотя их проявления и уровни развития могли быть различными. Это, по крайней мере, не представляло проблемы, ни для Митре, ни для образованной элиты того времени. Если что и являлось настоящей проблемой, так это существовавшие трудности для получения этих оригинальных и необходимых знаний. Поэтому не должно удивлять, что Митре радовался созданию благоприятных условий, чтобы потомки могли воспользоваться результатами этого труда: «Возможно, в обширной программе наших работ мы не сможем изучить все материалы на основе надежных критерий, и мы должны удовлетвориться лишь наведением порядка в хаосе документов, которые являются

¹⁶ Mitre B. Preliminar de las Bases Orgánicas. – P. 293

нашим историческим наследием»¹⁷.

Такое отсутствие надежного критерия позволяет понять, почему речь шла о культуре, в которой проявления учености, такие как документальные коллекции или исторические институты, не сопровождались действиями субъектов и размышлениями соответствующими этим начинаниям. Почему же эти общества не стали средой, в которой была бы выработана общая и устраивающая всех концепция, которая позволяла бы привести в порядок доставшееся в наследство документы, и почему они не могли сформировать субъекты, создателей исторических знаний. Ответ заключается в том, что помимо желания инициаторов этих обществ они не смогли избежать партийных пристрастий, политических и личных разногласий. Созданный в 1843 г. Ламасом институт прекратил свое существование в 1845 г. в обстановке раздоров среди его членов. Институт, созданный Митре с 1854 г., только в 1858 г. он конституировался с регламентом, внутренним распорядком и собраниями в Публичной библиотеке. Его роспуск, видимо, произошел в 1858 – 1859 гг., не выполнив ни одну из своих задач. Проектировавшийся Пуходем институт в Паране также не смог преодолеть внутреннее разногласия, а также немалые экономические и политические трудности, которые положили конец существованию самой Конфедерации в 1861 г.

На протяжении анализируемых десятилетий была общим местом необходимость изучать и распространять аргентинскую историю не только из-за интереса, который она могла вызвать у исследователей, но и потому, что ее знание было необходимо для решения различных задач, среди которых не последнее значение имело создание легитимного социального и политического порядка после нескольких десятилетий нестабильности. Это позволяет понять, почему за исключением большого количества отсылок к прошлому, практиковавшихся в эти годы, была предпринята серия начинаний, свидетельствующих о более ясном понимании истории. Между осознанием необходимости исторического знания и его достижением существовал разрыв, который редко мог быть преодолен. Отсюда следует, что практике издания документальных коллекций не доставало исторических исследований, способных придать им смысл, что институты, предназначенные для стимулирования исторических знаний и их распространения, не были частью

¹⁷ Mitre B. Preliminar de las Bases Orgánicas. – P. 296.

единой политики, не смогли создать субъекта исследования, который был бы способен осуществить поставленные перед институтом задачи. Современники довольствовались сбором источников, документов и материалов, оставляя будущим историкам их интерпретацию.

Это положение изменится спустя десятилетия с возникновением национальных историографий, чье развитие и влияние на аргентинскую и уругвайскую политико-культурную жизнь XX в. составляет часть истории, которая лучше известна, чем та, о которой здесь говорилось.